

УДК 801.558

Е. Я. Титаренко

“ВЕЧНЫЕ” ВОПРОСЫ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Постановка проблемы. Количество спорных вопросов аспектологии как науки о категории вида глагола с течением времени не уменьшается, несмотря на активную деятельность лингвистов разных стран и направлений по их разрешению. Так, вопрос о семантическом содержании видов, по остроумному замечанию И. Г. Милославского, должен был бы давно считаться закрытым не по причине окончательного его решения, но по причине практически необозримого количества уже имеющихся публикаций [5, с. 101].

Е. Н. Ремчукова отмечает некое устойчивое равновесие, сложившееся в современной аспектологии между двумя направлениями, которые она обозначила как “дискуссионное (обсуждение “вечных” вопросов) и созидательное” [7, с. 161-162]. Настоящая статья посвящена обсуждению “вечных” вопросов, в числе которых:

- вопрос о семантическом содержании категории вида;
- вопросы терминологии;
- вопрос о способах действия;
- вопрос о видовой паре и чистовидовых приставках и многие другие.

Актуальность данных вопросов заключается в том, что без их разрешения невозможно продвигаться вперед ни в развитии аспектологической теории, ни в разработке практических рекомендаций по изучению видов глагола в иноязычной (неславянской) аудитории. Таким образом, решение поставленных задач имеет как теоретическое, так и практическое значение. Кроме того, обсуждаемые вопросы имеют большое значение для лексикографической практики.

Одной из важнейших для любой науки является проблема терминологии. В аспектологии базовые термины — *вид, аспект, способ действия, акционсарт, видовая пара* и др. Традиционно терминами *вид — аспект* обозначают саму грамматическую категорию вида в русском и славянских языках (см. об этом [11] и др. работы автора), однако употребление данных терминов как синонимов остается дискуссионным, в связи с чем мы считаем необходимым вернуться к рассмотрению этого вопроса.

И. А. Мельчук называет термином *аспект* несколько словоизменительных категорий. Он выделяет 5 аспектов, из которых 4 действуют в сфере глагола:

- аспект II — включает 4 граммы: ‘концентратив’, ‘дистрибутив’, ‘итератив’, ‘дистрибутив-итератив’;
- аспект III — включает 3 граммы: ‘точечность’, ‘дуратив’, ‘абитуалис’;
- аспект IV — включает 2 граммы: ‘прогрессив’ и ‘не-прогрессив’;
- аспект V — включает 2 граммы: ‘перфектив’ и ‘имперфектив’ [4].

Как отмечают редакторы и сам автор, “категория аспекта V в славянских языках предстает в другом терминологическом обличье как категория *вида* (тем самым для славянских языков *вид = аспект V*), а ее граммемы — как совершенный и несовершенный виды” [4, с. 107].

Исследуя проблемы терминологии, И. А. Мельчук отмечает, что понятие аспекта в традиционной грамматике всегда было одним из самых неясных и порождало массу трудностей. “В сущности, за вычетом категории лица и числа, аспектом пытались назвать любую глагольную (словоизменительную) категорию, которая не является временем, наклонением или залогом; вследствие этого, термин *аспект* превратился в универсальную этикетку, лишенную конкретного семантического содержания” [4, с. 113]. При этом мы отделяем, подчеркивает автор, понятие аспекта от бесчисленных *способов действия*, которые относятся скорее к глагольному словообразованию, и от времени. И все равно осталось 5 самостоятельных словоизменительных категорий, которые связаны с квантификацией описываемого факта.

По мнению И. А. Мельчука, они автономны, т. к. могут сочетаться друг с другом (например, дуративность и имперфект или перфект: *они шли 2 часа; они сделали за 2 часа*). Таким образом, выделенные 5 аспектов можно назвать:

аспект I — количественный (соответствует субстантивному числу);

аспект II — дистрибутивный;

аспект III — дуративный;

аспект IV — прогрессивный;

аспект V — комплетивный (в славянских языках = вид) [4, с. 116].

Все аспекты занимают действительно особое место среди других глагольных категорий. Это основная категория глагола [там же].

Исследование И. А. Мельчука представляется нам необычайно важным и интересным, хотя и дискуссионным. Для русского глагола дискуссионным является прежде всего словоизменительный характер категории вида, во-первых, и соответствие ее только аспекту V, во-вторых. Как отмечает сам автор, категория аспекта V релевантна только для предельных глаголов, т. к. ее элементы указывают “достигнут ли (должен ли быть достигнут) внутренний предел данного события” [4, с. 107]. Не являясь сторонником теории “внутреннего предела” как инварианта видового противопоставления, мы не можем согласиться с тем, что **все** глаголы СВ называют предельные действия (процессы, события). По И. А. Мельчуку, граммема ‘перфектив’ = СВ и обозначает, что внутренний предел достигнут или должен быть достигнут. Граммема ‘имперфектив’ = НСВ и обозначает, что внутренний предел не достигнут и, более того, не должен быть достигнут [4, с. 107].

Как известно, глаголы НСВ делятся на предельные и непредельные по принципу направленности/ненаправленности на достижение внутреннего предела, поэтому аспект V, как нам представляется, охватывает не все русские глаголы, а только те из них, которые входят в видовые пары. Причем, в “традиционные”, “классические” видовые пары, противопоставленные именно по внутреннему пределу, в силу чего обычно и говорят о словоизменительном характере категории вида.

Однако распространенное в середине XX века среди лингвистов мнение о том, что подавляющее большинство русских глаголов имеет видовые пары, а несоотнесенных по виду глаголов так мало, что их количеством можно пренебречь, опровергается в более поздних исследованиях. Так, “даже при относительно широком понимании видовой коррелятивности (...) доля одновидовых глаголов оказывается достаточно высока — более 35%” [6, с. 133]. Если же избрать в качестве единицы подсчета “не вокабулу, а лексему, т. е. глагол в определенном значении (в привычной терминологии принято говорить о ЛСВ — лексико-семантических вариантах — прим. автора), то одновидовые глаголы составляют 70% от общего числа глаголов” [там же].

С другой стороны, среди видовых пар имеются такие, в которых противопоставление идет не по линии направленности на достижение внутреннего предела, а по другим признакам: однократность/многократность (*навестить* — *навестить*, *появиться* — *появляться* и др.); начать быть в состоянии — быть в состоянии (*почувствовать* — *чувствовать*; *расположиться* — *располагаться*, напр.: *деревня расположилась на берегу реки*).

Вопрос же о словоизменительном характере категории вида относится к числу наиболее дискуссионных. По мнению большинства современных исследователей, этот вопрос не имеет однозначного решения, категория вида является реально двойственной, как словоизменительной, так и словообразовательной, словоклассифицирующей, и даже в этом смысле не является в русской грамматике уникальной [7, с. 164].

Сама мысль о том, что вопрос не имеет решения, кажется нам крамольной, хотя весьма авторитетные ученые признают, что некоторые проблемы в науке могут быть таковыми. Так например, Дж. Лайонз констатирует, что “нам следует смириться с тем, что проблема разграничения омонимии и полисемии в принципе неразрешима” [3, с. 138]. В. Н. Перцов утверждает, что ему больше импонирует словоизменительная трактовка вида, однако после проведения “тестирования” вида по выделенным специально критериям (автор использовал 14 критериев основного списка и 15 критериев дополнительного перечня) он делает вывод о том, что результаты “следует считать сугубо предварительными и не имеющими решающего значения для признания одной из двух возможных трактовок вида — словоизменительной или словообразовательной — бесспорной и окончательной. Необходимы дальнейшие разыскания” [6, с. 138].

Наша позиция заключается в том, чтобы считать вид словоклассифицирующей категорией [9], а глаголы в видовой паре — разными словами, однако мы не можем не прислушиваться к мнению авторитетных исследователей, скрупулезно изучающих данную проблему и выдвигающих убедительные аргументы в пользу словоизменительного характера вида.

Следующей весьма спорной глагольной категорией являются *способы действия*, о которых И. А. Мельчук пишет, что они настолько многочисленны и разнообразны, что их трудно организовать в единую систему. Русский язык исключительно богат ими, их насчитывается около 30, все они являются не

граммемами, а дериватами, однако присоединение словообразовательного префикса к русскому глаголу влечет его перфективацию, именно по этой причине между русскими способами действия и видом (аспект V) существует глубокая внутренняя связь, что объясняет бытующее до сих пор смешение вида (аспект V) и СД [4, с. 402].

Обзор литературы по этому вопросу, основные позиции аспектологов и наше мнение по поводу статуса данной категории изложены в специальной статье [10, см. также 11]. Термин *акционсарт*, которым обычно называют способы действия, также неоднозначен. Как утверждает В. А. Васильев, «категория акционсарта используется в настоящее время в качестве некоего мусорного ящика, куда складывают все проявления деривационной лексической или иной непарадигматической видовой семантики. Таким образом, все, что в грамматике конкретного языка является не строго регулярным, считается акционсартом» [1, с. 43]. В. А. Васильев называет акционсарты «лексическими видами», противопоставляя их грамматическому виду. Он пишет: «Представляется важным выявить точное число и перечень лексических видов и определить, относятся ли они к тому, что может быть выражено грамматическим видом парадигматически, или же они несут соотносимые, но разные значения. Необходимо также установить, вступают ли лексические виды в системные отношения» [1, с. 41].

Как отмечает Э. М. Рянская, французские лингвисты придерживаются семантической природы способов действия, вид (аспект) они относят к области грамматики, а аспективность — к лексике [8, с. 9]. Далее она делает вывод о том, что «отождествление лексико-грамматических групп глаголов со способами действия, как это часто принято, не является достаточно обоснованным» [8, с. 19]. СД связаны с идеей членения и осмысления средствами языка пространственно-временных представлений, они участвуют в языковой концептуализации мира. Сравнивая русский и французский глагол, Э. М. Рянская отмечает, что во французском глаголе «внутреннее время» — это совокупность всех временных фаз «совершенности» и характеристик «временной протяженности»: *stier* может означать *кричать, крикнуть, вскричать, закричать, прокричать, покричать* и т. д. Иная тенденция наблюдается в русском языке. Русский глагол является носителем определенного аспектуального значения, он более «изолирован» в аспектуальном отношении, т. е. его «внутреннее время» уже включает частное аспектуальное значение» [8, с. 171-172].

Автор намеренно не дает перечень СД, т. к. считает их «открытой» категорией, более детализированной в русском языке по сравнению с французским. «Описание способов действия в русском и французском языках с когнитивных позиций представляет собой сложный комплекс, составляющий 2 уровня: уровень понятийных категорий (общих и частных) и уровень реализации понятийных категорий в аспектуальных ситуациях. Каждая из аспектуальных ситуаций (...) может быть определена как отдельный способ действия» [8, с. 175].

Нам близка позиция, восходящая к пониманию СД С. Агреллем как *семан- тико-словообразовательных группировок* глаголов. Особенно интересным нам

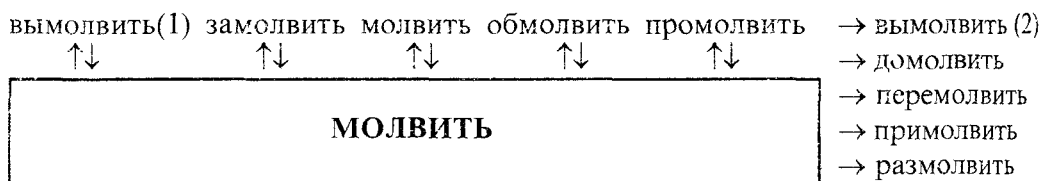
кажется замечание по поводу того, что французский (также как и английский и др.) глагол может обозначать все те значения способов действия, которые в русском языке передаются разными глаголами. Здесь, как нам кажется, мы подходим к очень важному понятию *фазовой парадигмы* [11, с. 263-264]. Фазовую парадигму можно сравнить с приставочной парадигмой глагола, о которой говорит М. А. Кронгауз [2, с. 112]. Он отмечает, что приставочная парадигма не является частным случаем словообразовательной парадигмы. Семантически близкие глаголы имеют сходные приставочные парадигмы. Анализ приставочных парадигм дает основания для семантической классификации бесприставочных глаголов [2, с. 113]. То же можно сказать и о фазовых парадигмах, которые можно составить для любого (не только бесприставочного) глагола.

Анализ фазовых парадигм выявляет общие свойства глаголов разных лексико-семантических или морфологических группировок. Так, среди глаголов с семой итеративности (*наведывать, выключать, случаться* и т. п.) 33% являются моносемантическими, 51% имеет 2-3 ЛСВ, 16% насчитывает 4 и более ЛСВ. Большинство из них (69%) имеет минимальную фазовую парадигму, включающую только видовую пару, т. е. обладает нулевой префиксальной валентностью (*угождать — угодить, удочерять — удочерить* и т. п.). Остальные глаголы (31%) присоединяют начинательные, ограничительные, дистрибутивные и кумулятивные, реже результативные префиксы. Сходные особенности проявляются у *многоактных глаголов*, характерной чертой которых является наличие однократно-многократной фазовости (*шагать-шагнуть, кивать-кивнуть*) и отсутствие видовой пары.

подавляющее большинство *двувидовых глаголов* имеет неполную фазовую парадигму, состоящую из двух направлений фазовости (35%) или только из одного вида фазовых отношений (58%).* 60% из числа “однофазовых” двувидовых глаголов выражают послепредельную (завершительную) фазовость, 32% — отношения единичности-повторяемости. С точки зрения суффиксально-префиксальной валентности двувидовые глаголы обнаруживают тенденцию к закрытости или минимальной разветвленности своих парадигм. Примерно одна треть глаголов имеет минимальную фазовую парадигму, состоящую только из собственной омонимичной видовой пары, другая треть — парадигму из трех глагольных слов: омонима противоположного вида и еще одного деривата, 27% глаголов насчитывают 2-3 префиксальных деривата и лишь 10% имеет богатую фазовую парадигму.** Это такие глаголы, как *женить, жениться, консервировать, молвить, ночевать*. В их парадигмах насчитывается от 7 до 11 ЛСВ, как у глагола *молвить*:

* Речь идет о синтетическом выражении фазовости, т. к. аналитическими средствами любое фазовое значение можно выразить практически всегда.

** В фазовую парадигму входят глаголы противоположного вида, состоящие в отношениях прямой мотивации. Исключение составляют многократные глаголы НСВ (читать, видывать), включаемые в парадигму глаголов НСВ (читать, видать).

Как видно из схемы, несмотря на большое количество членов, фазовая парадигма является неполной, т. к. нет глаголов, называющих допредельную (начинательную) и ограничительную фазовость.

Префиксальная валентность двувидовых глаголов значительно преобладает над суффиксальной. Интересно проследить сохранение или изменение направления фазовости в видовых тройках двувидовых глаголов, т. е. в тех случаях, когда кроме омонимичной пары существует префиксальный коррелят или дериват, например: *бетонировать* — *забетонировать*, *аттестовать* — *ператтестовать* и т. п. По нашим данным, в 61% случаев фазовые отношения в видовой паре и между глаголом НСВ и его префиксальным дериватом СВ совпадают, а в 39% — изменяются [12]. Как видим, фазовые парадигмы могут стать предметом для анализа и изучения морфолого-семантических особенностей русских глаголов.

Проведя системный анализ глагольных префиксов, М. А. Кронгауз приходит к выводу о том, что “традиционные способы глагольного действия — это обобщения значений конкретных приставок, причем обобщения достаточно высокого уровня, при которых часто теряются существенные семантические черты приставок” [2, с. 127]. Таким образом, категория СД представляется нам избыточной. Фазовая парадигма глагола включает все “способы действия” и все “модификации” значения основного глагола, которые могут быть выражены аффиксальными средствами.

К числу базовых понятий и терминов аспектологии, как уже было сказано, относится и *видовая пара* глаголов. Если вид — словоизменительная категория, то видовая пара — это формы одного глагольного слова. В таком случае неизбежно возникает вопрос: какая из этих форм является исходной и представляющей? “Представляющая форма — это форма, которая используется как имя всей лексемы, именно эта форма лексемы представлена в привычных нам словарях, где лексемы перечисляются в алфавитном порядке. Исходная форма — это одна из форм лексемы (при условии, что такую вообще удастся выбрать) от которой по **морфологическим** правилам данного языка образуются все остальные ее формы” [3, с. 97]. Как далее отмечает Дж. Лайонз, представляющая форма не совпадает с исходной для русских, французских, немецких и др. глаголов. Следствием этого является проблема представления глаголов в лексикографии, заслуживающая отдельного исследования.

Видовые пары в русском языке образуются в основном двумя способами: префиксацией (СВ) и суффиксацией (НСВ). В связи с этим возникает новый вопрос — о наличии чистовидовых, грамматикализованных, “пустых” при-

ставок. Исследовавший русские префиксы М. А. Кронгауз отмечает: “Нормально префиксация влечет перфективацию, но приставка при этом не имеет значения совершенного вида” [2, с. 83]. Значение приставки и семантическая функция процесса префиксации не сводимы друг к другу. Значение приставки автор описывает как многоуровневую систему, как семантическую сеть, состоящую из множества подзначений, распределенных по этим уровням. При таком подходе проблема чистовидовых (нулевых) префиксов снимается, в видовых парах дублируется значение приставки и глагольной основы [2, с. 121].

Процесс имперфективации традиционно считается наиболее грамматикализованным, именно вторичные имперфективы признаются большинством аспектологов “настоящими” видовыми парами соответствующим глаголам СВ. Однако при ближайшем рассмотрении здесь также возникают спорные вопросы. Так, И. Г. Милославский видит истинную суть имперфективации не в изменении совершенного вида глагола на несовершенный, а в семантическом преобразовании — устранении значений однократности или результативности при сохранении иных значений, выражаемых полисемной приставкой. Примеры: *перестраивать* — “результат” снят, “повторность” сохранена; *запевать* — “однократность” снята, “начинательность” сохранена; *привирать* — “однократность” снята, “немного” сохранено [5, с. 106].

М. А. Кронгауз отмечает, что НСВ во вторичных имперфективах не подчеркивает темпоральную структуру действия, а лишь привносит некую дополнительную идею, например, осмысление действия как “кванта” дополняется идеей “многократности” этого кванта. “Именно поэтому вторичные имперфективы не совпадают по значению с соответствующими беспривставочными глаголами” [2, с. 122], например: *жечь* — *сжечь* — *сжигать*.

Разумеется, дать ответы на все “вечные” вопросы аспектологии в рамках одной статьи невозможно. Наша цель заключалась в том, чтобы высветить их, привлечь внимание к дискуссии по этим проблемам, изложить собственную позицию.

Выводы

По нашему разумению, вид представляет собой словоклассифицирующую категорию, и все глаголы, помимо семантики, различаются между собой именно значением совершенного или несовершенного вида. Доказательством этого является разный набор грамматических сем в граммах видов [9]. Все глагольные аффиксы, в том числе суффиксы вторичной имперфективации, имеют собственные семы, которые включаются в семный набор глагольного слова. Таким образом, видовая пара русских глаголов состоит из двух разных лексем, совпадающих по семантике, но различающихся грамматическим значением вида. Фазовая парадигма русских глаголов отражает их аффиксальную валентность, системные связи и др. морфолого-семантические особенности. Категории способов действия в русском языке не имеется, существуют лексико-семантические группировки глаголов, выделяемые на ос-

нове сходства протекания и распределения действия во времени и пространстве. Поиски семантического инварианта видового противопоставления продолжаются.

Литература

1. Васильев В. И. Когнитивные образы аспектуальных значений — М.: Ин-т языкознания РАН, 1999. — 148 с.
2. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998. — 288 с.
3. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. : Пер. с англ. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 320 с.
4. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. — Т. П. Часть вторая: Морфологические значения. — М.; Вена, 1998 — 544 с.
5. Милославский И. Г. О семантическом содержании видовой характеристики русского глагола // Язык — система: Язык — текст: Язык — способность. — М., 1995, С. 101-110.
6. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 280 с.
7. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики: Монография — М.: Изд-во РУДН, 2005. — 329 с.
8. Рянская Э. М. Способы действия в когнитивном аспекте: Монография. — СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. — 191 с.
9. Титаренко Е. Я. Актуальные проблемы и перспективы развития славянской аспектологии. // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського. — Серія: Філологія, 2003. — Вип. 6. — С. 246-250.
10. Титаренко Е. Я. Категория способов глагольного действия: грамматика, лексика, словообразование? // Ученые записки ТНУ — Т. 17 (56). — №1: Филол. науки. — Симферополь, 2004. — С. 30-34
11. Титаренко Е. Я. О некоторых понятиях и терминах русской аспектологии // Система і структура східнослов'янських мов: Зб. наук. пр. — К.: Знання України, 2005. — С. 257-265
12. Титаренко Е. Я. Об особенностях двувидовых глаголов в современном русском языке — Культура народов Причерноморья, №37, январь, 2003 — С. 182-188.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2005 г.